

Шарурияев

*Любимая -
любимой
остается*

**Избранные
СТИХИ**

*Псков
издательство «Курсив»
1998*

84 P7
Г 83

Григорьев И.И.

Г 83. Любимая - любимой остается. Избранные стихи.
Псков. Издательство «Курсив», 1998.

Книга памяти известного русского поэта Игоря
Григорьева. Издана к 75-летию со дня рождения.

Составители: В.М. Мухин, В.А. Шульц.

Редактор: В.В. Васильев.

© «Курсив» составление, оформление, 1998.

К книге "Любимая - любимой остается"

Свое "сердце беречь не дано", но ему
даровано проникать в потаенные уголки
души человеческой - и своей, и чужой -
и освещать их светом любви и совести,
без которых человеку не быть Человеком.

Владислав Шошин,
литературный критик.

Кто бы мог подумать, что этот "кавалерист"
на псковском коньке въедет в русскую поэзию!"

Вера Панова,
писатель.

"... Оригинальность творческого голоса поэта
не подлежит сомнению. Взять хотя бы
богатство его поэтического словаря.
... Он пишет на "языке отцов и дедов".
Читая стихи Игоря Григорьева, думаешь
об удивительном совпадении языковых
средств с поэтической темой."

Аркадий Эльяшевич,
литературный критик.

Лучшие произведения Игоря Григорьева -
это без сомнения жемчужины русской поэзии.
Нам еще только предстоит по-настоящему
насладиться его стихами, его самобытным
поэтическим даром, наполненным любовью к Родине,
Псковской земле, природе, русскому человеку...!
Откройте вновь для себя замечательного поэта!
Уверен, не пожалеете!

В. Шульц,
руководитель клуба поэзии.

... Чем дольше я живу, тем глубже начинаю
понимать его стихи... В них истинная боль
и крик русской души!... В его стихах сплав времен,
их неразрывное единство. Повторяю стихи его

как молитвы и они сами собой входят в память...
Его пронзительные строки будят уснувшие
сердца не в пример всевозможным усыпляющим
бравурным маршам. То что я написал, мое глубокое
убеждение!

7.08.1984 г.

Григорий Григорьев,
сын поэта, первый вице-президент
Петровской академии наук и искусств.
г. Санкт-Петербург

*Игорь Григорьев, как поэт и, прежде всего,
как человек, оставил неизгладимый след
в моей судьбе. Он оставлял этот след в каждом
человеке, в каждой душе, соприкасавшейся
с его собственной: яркой, горячей и вдохновенной.
Его бескорыстность удивляла и пугала.
Вот кто поистине мог отдать последнюю
рубаху и не только для друга, а для просто
нуждающегося.
Таких патриотов, как он, до конца, до слез любивши
х свою Родину, я не встречал никогда.
Но главное его богатство - стихи. Чистые, русские,
звонкоголосые, как трели утренних соловьев,
простые, как капли росы на траве.*

Валерий Мухин, поэт.

*Умение разглядеть у юного собрата по перу
золотинку поэзии, которая порой спрятана за семью
замками, восхититься ею и вознести виновника
до небес - дано не каждому. Игорь Григорьев
обладал этим свойством первооткрывателя
в полной мере и щедро одаривал каждого,
кому посчастливилось попасть на его орбиту,
которая была необъятной, подстать его душе.
Убедиться в этом нетрудно: читайте
его стихи и поэмы. В них есть все: богатство души,
языка, преданность Родине - все то, что необходимо
русскому человеку на опасном изломе российской судьбы.*
Лев Маляков,
поэт.

*Я в твой цех поступил подмастерьем,
Дорогой мой учитель и брат.
Нелегко отворилися двери,
А потом не пустили назад...*

Валентин Краснопевцев,
писатель.

*Природа щедро одарила его талантом - он стал
известным Российским поэтом.
В нем счастливо сочетались аналитический ум,
природное мужество и исключительное
трудолюбие.*

*При первом знакомстве с Игорем, а ведь прошло уже более
четверти века, меня поразило его бытие -
вызывающе не похож на окружающих. Но со
временем, только оценив принципиальность поэта,
я понял, что он хотел, вероятно, подчеркнуть
собственную индивидуальность, одаренность или
избранность перед тем народом, из которого вышел.
Он действительно не любил роскошь, любил
природу, людей, был очень добр и доброжелателен
к друзьям и особенно к нам, псковским художникам.
Спасибо ему. Мы всегда его помним.*

Владимир Кузнецов,
художник.

* * *

Покойны желтые озера,
Спокойны синие пески:
Они как старость - без укора,
Они как юность - без тоски.

Над ними льдела и кипела
И старина, и новизна,
А им до века мало дела -
Всё та же синь да желтизна.

Хоть друг, хоть недруг хлопни
дверью -

Ни радостно, ни горевно...
А я не верю, я не верю,
Что все на свете - все равно.

1966

Листобой

Бывает так:
Июлем знойным
С березы канет желтый лист -
И сразу станешь беспокойным,
И день уже не так лучист.
Весомей дымка,
Небо строже,
Темней, задумчивей камыш...
И ощутишь горячей кожей,
Как выстывает в чаще тишь.
Услышишь :
Чуткая осина
Бросает в дрожь лесной покой,
Крадется сумрачной низиной
Угрюмый ветер-листобой.
Увидишь :
Табунится птица,
Вода стеклянней - глубь видна...
И вмиг тревога угнездится
В душе, распахнутой до дна.
И ты поймешь: Не шутит время, -
Устал, не жди, не пошадит:
Собьет, сомнет - ему не бремя -
Оно везде. Оно глядит!
1957

ВЕЛИКАЯ

К тебе придет рассеянный турист,
Взберется на карниз известняка,
Посмотрит равнодушно сверху вниз,
Холмистые окинет берега,
Пожмет плечами:

«Ты невелика,

Хваленая Великая века».

А я

с воспоминанием вдвоем

На берегу твоём стою без слов.
Не нагляжусь на чистый оком,
На стену поседелых плитняков,
На псковских синеглазых мужиков.
Не надышусь лучистым холодком.

Ты слышала, как мать моя, стена,
У старого плетня в ботве густой
В свои семнадцать лет
Ждала меня.
Ты видела,

как я увидел свет -

Свет самый первый,
Самый голубой,
Заполоненный солнцем и тобой.
Не кто-нибудь другой,

а ты меня

В разгаре августа, в начале дня,
Обмыла,

Окрестив святой водой.

Потом, когда пришел целебный зной,
Ярчайший,
Полный сладости земной,
Ты, моя доля,

гулька, звеня,

Баюкая искристою волной,
Запела песню дедов надо мной.

Не кто-нибудь другой,

а ты меня

Избавила от лютого огня
В пылающем сорок втором году,
Когда отряд наш угодил в беду
И пасть свою сомкнула западня.

Горела гимнастерка у меня,

Горел в груди свинец:

«Конец... конец...»

И задыхался я, судьбу кляня.

Не кто-нибудь другой,

а ты

Мне пламя залила
И остудила боль живой водой,
И, от карателей пригорком заслоня,
Скрывала в камышах до темноты.
Что было бы со мной, когда б не ты!..

Ты знаешь:

я не гость заезжий здесь,

А сын крещеный твой.

Все, все во мне твое -

Что будет и что есть.

Где б ни был, я неразделим с тобой:

Твой - весь!

И что с того, что ты невелика,

Родимая Великая река.

1958

ПРИЗНАНЬЕ

Пою, Россия, с веком вместе
Святые даты,
Грядущих дней благие вести,
Твои пути,
Твои поля,
Пою дома твои и хаты,
Свет не черня,
 тьму не беля.

Я не проездом здесь,
Не на день,
Такое дело -
Мне за короткий век мой
 сладить

Надо -
 во что б ни стало -
Песнь!
Чтоб ты, чтоб ты ее запела,
Признав :
- Да! Он на свете есть!

Я оступался, -
Помню,
Знаю, -
И падал больно.

Но никакая «хата с краю»,
Черна она или бела,
Мне,
 пусть невольно или вольно,
Ни разу с краю не была.

Быльем не заросло былое.
Не отрекаюсь.
Все страшное
 и просто злое,
Что привелось перенести,
О чем молчу,
Чем вечно маюсь,
Как я тебе - ты мне прости!

Кто-кто, а ты ведь
 все-то знаешь,
До капли малой,
Не забываешь,
Понимаешь,
Что отчего и что к чему,
Как
 то случилось, это сталось
И что положено кому.
1960

Я ИДУ

Юрию Паркаеву

Я иду через покосы
Прямым.
Я иду, простоволосый,
Далеко.

А вокруг меня давнишняя
Родня :
Бусы свешивает вишенье
С плетня.

Над колодцем - долговязый
Журавель.
При дороге дремлют вязы,
Вьется хмель.

Утро искры горстью мечет
На пруду...
Ничего, что мне далече,
- Я иду!
1947

ДЕНЬ

День усеян горицветом,
Цвет насолнчен.
День обвеян светом, летом
Неумолчным.

До макушки нежным жаром
Промедвянен,
Горьковатым хмелем ярым
Отуманен.

Обцелован и обшарен
Ветром рыжим,
Продублен, насквозь пропарен,
Вымыт, выжат.

Он силен, как чудо-плечи,
Он огромен,
Как заботы человечьи,
Неуемен.

Бережлив, как лады-руки,
И проворен:
Сколько к полдню у излучки
Скопит зерен,

Сколько песен сложит за день,
Сладит прясел?..
Он, как песня, прост и складен,
Ладен, ясен.

День доверчив, как ребенок.
Росной ранью
Он криклив, как сто бабенок
На собранье!

День, как ворон, недоверчив -
Зоркий, хмурый.
Сладкий пыл его подперчен
Пылью бурой.

День, как счастья ожиданье,
Бесконечен,
Он короче, чем свиданье
В белый вечер.

День, как ласковость людская,
Необъятен,
Как хула-молва мирская,
Беспощаден.

В нем и праздничный угар,
И праздник буден...
Выбирайте: дар? удар?
Входите, люди!
1956

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза.
В саду

крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Тропа лосиная,
Сыроежки,
Разлопушился вовсю репей.
Как непогашенные головешки,
Швыряет гуща тетеревей.

В тени цикута - пьянее, глуше,
На взлобке лысом солнечный гнет.
И вдруг тебе,
как смутную душу,
Чащоба яблоню распахнет.

Узнал?
Припомнил босое детство?
Сад в белом смехе, в обнимке нив -
Совсем не чье-то,
твое наследство
Тебе завещанный белый налив?

Тихую радость, льнущую к дому
Бери, бывало, хоть из окна.

Тебе, тебе -
 никому другому,
Тебе была вручена она...

Ручей зачахший.
Замшелый мостик.
Крыльцо - два камня по старине.
«Я рада, здравствуй!
 Надолго в гости?
Ну как жилось-то на стороне?

Чего ж срываешь ты шишки с ели?
Я зла не помню.
Добра не жаль.
Ведь снова август,
 плоды поспели:
Иди ко мне, снимай урожай».

Пылает полдень,
 а мне морозно:
Как в суд с поличным вдруг привели.
Не надо, сердце!
Еще не поздно
Просить прощения у земли.
1962

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

*Николаю Григорьеву,
отцу моему*

Мой родитель, чудак-поэт,
Много разных песен сложил.
Что бумаги извел - счету нет,
Но добра не густо нажил.

Самодельных из сажи чернил
Не одну бутыль перевел.
Но полушки впрок не смудрил:
Так и жил он - гол как сокол.

Одолела нужда мужика:
Хоть шаром покати в дому.
Не хлебали мы всласть молока,
На подножном жили корму.

У печурки, бывало, сидим -
Завывает ветер в трубе,
Да в омшаре бирюк-нелюдим
Голосит о горькой судьбе.

Говорил смущенно отец:
- На горбушку, пожуй чуток.
А настанет зиме конец -
Станем пить березовый сок...

Добрый март наконец восходил,
Прогонял трескучий мороз.
И мой батя меня уводил
В белобокую рощу берез.

Берестяный корец подносил,
Приговаривал:
- Пей, сынок,
Набирайся скорее сил,
Из родимой земли он, сок!..

Может, сок тот силу и дал,
Нежность влил мне в сердце и в стих:
Разносолов я много ль видал,
А ведь вырос не хуже других.
1959

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы -
Такое, как в дни старины.
Искромсаны души и грозы
Нещадной секирой войны.

И стьнут в тепле буйноцвета
Мужья... Бобыли... Сыновья...
Не сделано столько! Не спето!
А в рощу веселое лето
Вселило для них соловья.

А в селах глухие разрывы
Да толом пропахшая жизнь.
И кажется - тучные нивы
Рыдают над каждым: проснись!

Щетинится жердь у омета
Вихрастой певучей листвою.
А в поле частят пулеметы,
Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
И страшны, несчетны дымы...
Отчизна, твои ль это хаты
С окошками, полными тьмы?

Твоя ли то радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?

Вот этот, как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди?..
Бедует имбатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит
Что будет!
Что было!
Что есть!

*13 июля 1941,
Тушиново (Псковщина)*

* * *

В который раз одно и то ж,
В который -
Зацветшая дымится рожь
По косогору?

Родимый край,
в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад,
Вчера,
Сейчас -
На зорях росы.

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем...
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие,
А здесь - дожди и валуны
И те живые.

Здесь
каждый высохший плетень
Певуч от боли...
Все та же речь,
Все тот же день,
Все то же поле!
1942.

Псковщина

МАТЬ

*Марии Васильевне,
матери моей*

«Извещаем... Вас...

... за Родину...

...с врагами...» -

В траурной каемке

 пять коротких строк.

Заходила ходуном божница,

Закачалось под ногами,

Надавил на плечи горбатый потолок.

Отдышалась.

Узелок достала.

Развязала :

Сдунула солинку с распашонки,

Расчесала завиток волос...

Тихая, прямая, светлая

Стояла.

Ни полстона

 с пересохших губ не сорвалось.

Стала успокаивать

 плачущего почтальона,

Причитающих соседок

Проводила на крыльцо.

А кругом плясал, гудел пожар зеленый,

И огонь оледенелый

 бил

В открытое лицо.

Огляделась :

Край зари, дорога -

 все как было, -

И песок, и даль, и зябкость...

И, скупых не пряча слез,

Сухонькой рукой

Бумажку стопудовую сложила:

- Будет, бабоньки.

Развиднело.

Пора на сенокос!

26 сентября 1943.

партизанский лагерь у деревни Насурино

(Псковщина)

РАСПАХНУТОСТЬ

И гомон, и щебет, и вереск,
И дождик пушистый с ольхи,
Лягушек неистовый нерест,
Звончайшие жар-петухи.

Высокие талые воды
Текут, разбегаются, мчат.
И холст веселуни-погоды
Пестреет, как платья девчат.

И полнится сердце тревогой,
Апрелевой жаждой палит,
И грезит широкой дорогой,
И в путь собираться велит!

И всякая струйка-малявка
Лучам раскрывает уста,
И каждая крохотка-травка,
Как встреча с любимой, чиста.

И всё в этот полдень— свиданье,
Сладчайшая гулкая весть -
Признание, признание, признание
В безгрешном желанье расцвести!
1946-1947

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

*На то она и первая любовь,
Чтобы за нею вслед припила вторая.*
Ю.Г.

Первая любовь
У всех
одна.

Ясная,
Высокая она,
Как в потемках полная луна:
Лишь себя не видит -
Всем видна.

Щедрая и добрая,
Она
Жара животворного полна.
А что зябким душам не дана,
В этом вовсе не ее вина.

От нее - начало всех дорог,
Без нее - кончина всех тревог.
Первая любовь
всего одна,

Помните:
Последняя она.
1952

ПЕСНЯ

Валентине Черновой

Ходит мороз за окном,
Посохом в стену стучит.
Снегом закиданный клен
Целую ночь промолчит.

Долго катиться луне,
Долго сугробам гореть.
Что ж не заглянешь ко мне -
Песню улыбкой согреть?

Робкую песню мою,
Тихую хату в глуши.
В замороженном краю
Снеги поют. Ни души.

Над целиной - пелена,
Что там за ней? - угляди...
Наша дорога длинна:
Всякое будет в пути.

Всякое будет? Ну что ж,
Встречу, коль в двери войдет!
Вечер сегодня хорош:
Звезды ведут хоровод.

Вечер куржою опал,
Выяснил небо и лог.
Я тебя, нежная, ждал,
В сердце носил и берег.

Юность придется забыть,
Вьюга друзей отпоет,
Но не устану хранить
Светлое горе мое!

1946

* * *

Соловей колотит,
Не жалея сил,
Тихий лунь в болоте
Резво забасил.

Волны от лодчки
Сонный плес рябят,
Ласково девчки
Кликают ребят.

Вечный запевала -
Май - гульбит опять!..
Что ж, ведь сам, бывало,
Не умел молчать.
1946

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз,
Не надо тихой грусти:
Пройдут года,
И, ждать устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь.

Но ты скажи - куда?

Не надо бодрых слов,
И в них тоска все та же:
Растерянность,
Испуг,
Незримый плач.
Люби меня,
Чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь.

Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять,
К чему самой кориться, -
Метельный путь мой без того не гладь, -
Храни себя,
Не верь, что ты вдовица.
И я вернусь.

Но как тебя узнать?

Вернусь!
Лишь мой совет
Ты, милая, исполни,
Когда уйду дорогой столбовой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу.
Я еще с тобой.

1967

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Ты нынче песни новые поешь,
По-новому смеешься и горюешь,
Ты городу красу свою даруешь.
А я все тут,
Все на себя похож.

Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта),
Тревожу совесть -
Страшную судью,
Припоминаю то, что позабыто.

У нас - дыши!
Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса -
Приходит стихотворная пора.
Да это все тебе без интереса.

А я все виршами себя лечу,
Жду славу,
Все надеюсь заработать.
Ты хмуришься: «Пегас не по плечу»,
Ты гневаешься: «Свой кусает локоть».

Считай, как можешь. Каждому свое:
Ты любишь жить надежно,
Я - надеждой.

Спокойной прозой душеньку утешь ты -
Не мне судить твоё житье-бытьё.

Я не собьюсь с дороги, не тужи,
Не проклянущу затученное солнце,
Я не один,
Мне есть что петь, кем жить:
Любимая - любимой остаётся.
1967

* * *

Окровавлена моею кровью,
Ошалев на вольном ветерке,
Ты была сильна моею любовью -
Как вода на взвихренной реке.

Больше не взлетишь, не засверкаешь,
Берег не зальешь, горда, вольна, -
Вихорь стих. Ты тоже замираешь,
По теченью катишься, волна.

Щепки о тебя бока полощут,
Тина вьёт свою пустую нить.
Для тебя, холодной, это проще -
Замутнев, скользить, скользить,
скользить...

Ничего! Исчерпано доверье.
Не журчи на все свои лады, -
Уноси уж вместо крыльев перья.
И не гнись от не твоей беды.

Вейся помаленьку в русле рыхлом,
Утешайся тихою судьбой
И спокойно верь, что ты над вихрем,
А не вихорь
плачет над тобой.

1964

В СНЕГОПАД

Федору Абрамову

Вы видели кукушку на снегу?
Вы слышали раскатистую птаху?
Как будто голову кладущую на плаху
Когда другие птицы ни гугу;

Когда апрель с морозом заодно:
Притих,
Забыл свое предназначенье.
И стонет,
Тонет голубое пенье,
Ложась на зимнее зияющее дно.

Так небывало:
Валит снегопад,
И огневает ломкий клич кукушки-
Как будто разгорается набат
На голой обессоченной макушке.

И, немо вопия, взметнул старюка-клен
Кривые руки к серому восходу:
"Даруй, апрель, зеленую погоду!.."
Но глух апрель,
Куржою убелен.

А снег лежит.
Не хочет плакать снег.
Хочет снег:
«Сожги меня попробуй:
Прохожу - не запоешь вовек!» -
И кроет землю белую хворобой.

Да, не до песен теплому комку
В тисках у холодоги-великана.
Но твоему горящему «ку-ку»
Уже поверил юный лес, Весняна.

Веди,
Буди от ледяного сна:
Земля должна. Земля еще задышит,
Зови, бедуй:
Тебя поймет весна,
И солнце огнеперое услышит!
1963

ВЕРЕТЕНЬКА

Н.Ч.

Есть на Порховщине
Речка Веретенька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик;

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится,
А душе - утеха.

Так и Веретенька,
Ластынька-водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться.

Заросла кугою
От ключа до края,
Выгнулась дугою,
Тихая такая.

Сказывает байки
Малым пескаряткам;
Нежит без утайки,
Лилейки не спрятав...

Много рек я знаю,
Помню даль-походы:
Плавал по Дунаю,
Мерил Вислы воды,

Объ меня качала,
Кольхала Волга,
На Неву, бывало,
Сматривал подолгу.

Но лишь эта речка,
Лишь моя светлана,
Для меня навечно -
Песня-необмана.
1959

* * *

Приходи с любым сомнением
Только глянешь раз-другой -
Сразу
С полным откровением
Всё до дна перед тобой.

Тыща тропок непроложенных:
Сила есть - валяй тори;
Сто путей незагороженных -
Все твои,
Иди бери.

Загрустит плечо широкое
По работе - не тужи:
Дело - дело недалекое,
Что умеешь?
Покажи.

Приустал - шоферу каждому
Голосуй :
«Подбрось, дружок!»
Перехватит горло жаждою -
До воды всего шажок.

Ночью -
Месяц в каждой лужице -
Не оступишься в тени.
А сердечку занедужится -
В клуб под вечер заверни...

И за горечь
За отрадную,
За неброский угол наш,
За низину неприглядную
Всю-то кровушку отдашь!
1960

ПО РОСЕ

Алексею Никифорову

Затиленькала синица.
Дым - с озер.
Окунула заряница
Крылья в бор,

Алой грудонькой лелеет
Крутояр...
Накаляется, белеет
Красный шар.

Ни угрюминки на небе -
Чистота.
Плачет чибис в тучном хлебе
Просто так.

Просто полно сердце птицы
До краев,
Просто нету над пшеницей
Соловьев.

Шаг шагнешь - и сразу хлынет
Праздник рос,
Ливень ласковой медыни,
Светлых слез.

Бросишь взгляд: все чибис вьется;
Сумрак сплыл.
Вдох всего - и в грудь воляется
Столько сил!

Захлестнет неодолимой
Жаждой: жить!..
Как тебя мне, край любимый,
Не любить!
1940

СТРАДА

Что с сердцем сделаю -
Забуду как
Тропу замшелую,
Певун-сосняк ;

Протоку быструю -
Речисгей нет,
Зарю заристую -
Денечка след;

Хмарь-тишь заречную,
Горюн-погост,
Родно сердечную,
Разгулье гроз;

Отраду-родинку,
Чуть грустный взгляд?.. -
Они на родину
Меня кричат;

Велят, негордые,
Простым-просты :
«До нас от города
Ништо езды:

Докатишь - с роздыхом -
В полдня как раз;

А если воздухом,
Так лету - час.

Довольно странствовать -
Сорить года.
Не время праздновать -
Взошла страда.

Зовем не брагу пить,
Не загорать -
Мозолями форсигть!..
Когда встречать?»

Май 1941 - март 1949

В ДАВНЕМ

День - за полдень.
Пахнет Русью
Долгожданною.
Я иду, задарен грустью
Безобманною.
Я иду, седой и светлый,
Растревоженный, -
В луг пригожий, в мир заветанный, -
Мил дорожиной.
Вот он, детства край далекий,
Малость славная -
Берег, желтый и отлогий,
Речка главная.
Сколько лет чиста водица
Разливается,
Все бежит - не набегится,
Не умается.
Бродят аисты у брода -
Птицы-правнуки.
До чего ж сладка сморода,
Мёдны травоньки!
Неусып ребячья - заводь,
Внучка омота,
Где язи клевали - с лапоть,
Ряской тронута.
Мой - не клюнул: ходит в снни,
Забавляется,
Вырос - во! Меня доньне
Дождается.

* * *

Не прибыльна песня об этом,
Вся- пламя, октябрьская тишь:
Коль ты уродился поэтом -
От первой же искры сгоришь.

Поэт ли я, нет? а сгораю;
Вся глушь, как пылающий скит...
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

«В такое бездожде беречься?
А грянет ненастье - запеть?
Да это ж от злата отречься!..»
А мне бы - дотла не сгореть.

* * *

Да неужель мы хуже лебедей,
И аистов, и ласточек вернейших?
В любви твоей-моей, в любви людей,
Мы разве любим неверней и меньше?

И если даже бес вселится в нас,
Толкнет вкусить чужой запретной сласти,
Мы, люди, любим все же только раз,
В конце концов стыдись бесстрастной
страсти.

На всей Земле, не только на Руси,
Перволюбовь изменой не избудешь;
«Люблю тебя!» - хоть как произноси,
Не о люб*ой* тужить, о люб*ой* будешь.

СИТОВИЧИ

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет,
Да все ты есть, -
Волненье, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.

Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты,
Стояло ты -

Всего житья-бытья основа.
Поклон вам,
Отчие кресты;
Нам выпало свиданье снова:
До встречи - только полверсты.

Как резво поспедают ноги,
Какая в сердце благодать,
Когда по ласковой дороге
Тебе даровано шагать!

Какая травная дорога,
Какие смолкиные луга,
Как тут светло и одиноко.
Покой.
Ни друга, ни врага.

А ведь давно ль за землю дралось,
Пахало каждый бугорок,
Деревней Ситовичи звалось.
Теперь на тех полях -
Борок.

Теперь назад не возвратишься,
Моя деревня, - избы вить,
Не запоешь,
Не встрепенешься
(Эпоха! - некого корить).

Мне ж, опасенному судьбою,
Жалеть и маяться, любя...
Сейчас увидимся с тобою,
Хоть нет тебя.
Хоть нет тебя.

ЗИМА 1993

Заплакали березы:
-Зима нас подвела,
Крещенские морозы -
Три градуса тепла.

Заледенело сердце:
В ретивом перебой -
Любовью не согреться.
-Россия, что с тобой?

РОССИЯ

*В том строю не признавал я многое,
В этом строе отвергаю все.*

Неволя, недоля, чужбина -
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Крадусь неприкаянным вором
Чужою родной стороной.
Стеной - чернота перед взором,
Кромешная тьма за спиной.

«Куда ты? Куда ты? Куда ты? -
Колотится жуть на виске. -
Тебе только горести рады
В немом подневольном леске.

Не волен размыкать неволю!
Недоля, хоть криком кричи!...».
Но - мерзлему дышится полю,
И падают звезды в ночи.

* * *

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах - болотина,
На болотине - холмы.

Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется как плачется:
Плач - под пляску, мать родна!

Да когда же нам наплачется
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважится,
Встав, напомнить: кто есть мы!

* * *

В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.

Как вздох - калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Березам снятся ночи белые
Да пенье весел на реке.

Березам долго, горько страждя,
До лета время коротать...
А Русь везде, у пня у каждого,-
И злая мачеха, и мать.

ВНУКУ

Решись: распутье - не распутье
И не проклятье.

Душе захмаренной - раздолье
В широкополье.

Даль русская не наважденье -
Освобожденье.

Дерзни: бездомье, страх, усталость -
Такая малость.

Добро и зло - за вехой строгой:
Руками трогай!

СЫНУ

Ненастье обескровило зарю:
Все - сутемь. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю -
Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Иди, да знай: далеко до ночлега,
И, может, только день всего до снега.
И вздохн - груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам - вьюжье: снежная страда,
Хмельные вопли, холода шальные,-
Они ведь до поры: они больные.
Ведь вьюги что? - весенняя вода.

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален темный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскаленным ртом приник,
Но глух сухой ручей.

По лысым валунам скольжу:
Ни струйки - с той весны.
Тревожно память ворошу:
Как мало там казны.

Осталась горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.

Прошли немалые года,
Затих кровавый гром.

Чего я только не видал
На свете горевом!

Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить -
Копить копеек медь.

И Русь не та, и сам не тот -
Иные времена.
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

ПЕРЕД РОССИЕЙ

Я родине моей не изменял.
Безрадостной полынью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял.

Её беда (не наша ли вина?),
Что верящих в молчанье грозно ввергнув,
Поверила она в лишенных веры.
Ее беда - не наша ли вина?

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуролом!..».
Пусть обнесен и хлебом и вином -
От зябкости ее не холодею.

Ее ли суть (не дело ль наших рук),
Что сыновьям на ласку поскупилась?
Уж больно много гостя поскупилось.
Ее напасть - не дело ль наших рук?

Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью.
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

* * *

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка польни!
Мне нисколько не горько с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна - и что там еще?
Мне надежно с тобой и отратно
Опереться на дружье плечо.

Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет - от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвешься к зорям, орел крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят...
Только мы все равно не умрем.

Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив доконать на корню, -
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет - от земли до небес.

ВИШЕНКА

Светлане Молевой

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не бело-бела?
Что же ты закручинилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Им цветется и просто и песенно -
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Не приветила сиверка вешнего,
Льется грусть из-под строгих бровей.
Ждешь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховой?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не раскроешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Все горит над забытыми крышами
В ненаглядной печали лицо.
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюи-деревцо.

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Да сколько ж их в морозной роздыми,
И как же скоро зацвели!
Запыхали врозь и гроздьями,
Над головой и у земли.

И все тихохонько качаются,
Роняя долу желтый хруст,
Захолодлых губ касаются,
Чуть горьковатые на вкус.

Они поют и сказки сказывают
И, не спрося, в полон берут.
Зовут, зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут.

Вдруг замелькает странно-новая,
Вот вещая оборвалась...
Притихла гладь семиветровая,
Дивясь на инееву вязь.

А луг повит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И, может, в этой щедрой россыпи
Зажжется и твоя звезда!

СВЕТЛАНЕ

Заря, заряна, заряница,
Червонокрылый небокрай,
Моя печальная жар-птица,
Не улетай, не догорай.

Еще не выразить потемок,
Не молвить свистов за рекой -
Пока мой голос тих и ломок,
Но я заплакал над строкой.

НЕПОГОДА

Беспокойней, горше, жгучей год от году
Вижу - до ветринки - милость-непогоду.

Будто в ласку мая, в стужу окунаюсь.
Иль зову «что было»? Иль - что *было*
каюсь?

Ведь и так бывает: было, да не сбылось,
И не надо помнить, и не позабылось.

Вечером тревожным, знобким листопадом
Мы, боясь безлюдья, шли с тобою рядом.

Дождевые всхлипы в темноте чернели,
И молчали звезды, и роптали ели.

Я и сам не знаю, что с тобой случилось:
Ты к плечу прижалась, робко мне вручилась,

Осветила душу хмельным жарким светом!
Может, непогода виновата в этом?

Непогода, темень - нам какое дело.
Разве мог я тронуть сдавшееся тело?

Все оно звенело, как струна тугая.
В плащ тебя закутал, будто ты нагая...

Ты прочтешь и бросишь: «Песенка уныла».
Ничего, не кайся: ты ведь не любила.

* * *

Розе Королевой

Настороженный покой. Замирание...
В зыбкий туман, в застеклевшее озеро,
В зсень
рукой неминуемо вранена
Желтая грусть разгулявшейся осени.

Коростели никого не ауют -
Дальней дорогой за песни заплачено.
Только листве не смириться с разлукою,
Не разувериться сердцу горячему.

Полю, косматому как наваждение,
Гулкому лесу, притихшему месяцу
Грезится милых шагов пробуждение,
Отголубевшая молодость грезится.

Кажется, только прислушайся к полночи -
Легкие ноги о травы заплещутся!..
Осень своими причудами полнится,
Что ей за дело, кому что мерещится.

С горькой осины, со сладких яблонек,
С неба густого над зябкой левадою -
Падают листья, падают яблоки,
Падают звезды.
Падают... Падают.

КРАСУХА

Красуха в сентябре 1943

Вокруг Красухи травы глухи,
Часты кусты густым-густы.
Еще у Мира очи сухи,-
Ещё святой не стала ты.

Тебя судьба хранит покуда,
Но, видит Бог, не на века.
Еще ты не сгорела люто,
Но это лишь пока, пока.

Таясь в осеннем озаренье,
Ты теплишь свет, мое село,
И ни тоска, ни разоренье
Не жгут печальное чело.

Журавушки не отрыдали,
Еще ты машешь в три крыла,
И крик набата прячут в дали
Твоих берез колокола.

Год сорок третий. Сентябрины.
Что день - темнее златогрусть...
Какие дани и дарины
Ты жертвуешь и платишь, Русь?

Какому лиху, злу какому
Дано свершиться над тобой! -

Здесь ни живой душе, ни дому
Не выстоять перед судьбой.

Не уцелеть перед напастью,
Что разразится в ноябре:
Захватит огненную пастью
Тебя, Красуха, на заре.

Убьет-сожжет людей и хаты,
Жизнь обратит в золу и прах.
Но до своей горючей даты
Тебе лететь на трех крылах.

И ты летишь над коловертью,
В осеннем полуме горя,
Навстречу страшному бессмертью -
До ноября, до ноября.

Поминок

Чернобыль на пепелище
Да густой бурьян.
Оголтело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата -
Пусто впереди.
Только зарево заката
Душу берedit.

Только трубы обочь речки
Над печами в ряд -
Непогашенные свечки -
В прах-золе горят.

Только хриплый ворон глухо
Крикнет о беде...
Что с тобой, моя Красуха?
Где ты? Где ты? Где?

Я четыре черных года
Светлой встречи ждал.
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью побеждал.

Жгла меня тоска-поруха,
Маяла напасть,
Чтоб тебе, краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: ждет меня невеста,
Дом родимый, мать...
Где я? Памятное место
Сыну не признать.

В день свиданья - ночь разлуки:
К сердцу сквозь кусты
Тянут высохшие руки
Сирые кресты.

На тропе, как дума ночи,
Бредит чернобыль:
«Растопчи меня - нет мочи
Трогать эту быль!..».

В сорок третьем в тьме метели
На село мое
Набежали, налетели
Псы и коршунья.

Затолкали в пасть сарая
Триста человек.
Триста душ, земля сырая,
Приюти навек!

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился адский чад...
Враг «Пощады!..» - не услышит:
Мертвые молчат.

Красуха

Ты взошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят.
Ты - из камня,
Ты - из мертвого гранита,
Ты - немая,
Но душа твоя - набат.

Ты - Красуха!
Здесь - Россия в каждой слёзке,
В каждом взгляде,
В каждом вздохе люб-травы.
И не знают
Зла не знавшие березки,
Отчего нагоркли
Песни синевы.

Что им знать:
Они родились в сорок пятом, -
Им стоять
На избах, выжженных дотла.
А тебе нельзя не помнить -
Память рядом:
Вековая
Безутешная ветла.

Над холмом твоим -
Бездонная тревога:
Ни сыночка, ни забвенья
В мире нет.
И у ног бежит
Не сельская дорога -
Путь тернистый,
Путь кремнистый в белый свет.

Грозовито,
Чутко в чаще краснотала,

Вечный сон, печаль и воля -
Жизни власть.
Здесь Красуха,
Здесь Красуха умирала,
Здесь погибель
До бессмертья вознеслась.

1943—1972

ГЛУШЬ

Обоймет
Молодая теплынь,
Заведет, не спрося,
В купыри
И такую поведает синь,
Хоть губами,
Хоть горстью бери!

Ох, и любо
К духмяной груди,
Обо всем позабыв,
Прикипать,
В зеленом половодье лядин,
Ни о чем не грустя,
Утопать!

Плыть по травам,
Дышать и молчать,
На далекий свой путь
Не пенять,
Настоящую зрелость
Встречать,
Немудрящую радость
Понять.

Наливаться теплом,
Молодеть
Без боязни:
«Что будет потом?»

И глядеть, и глядеть,
Все глядеть
С пересохшим
Улыбчивым ртом!

Ни полчуда,
Да все чудеса:
В каждом листике -
Трепет души!
И глядят тебе в душу
Глаза
Не заглохшей для счастья
Глуши.

Ах, как ждут они!
Ясностью жгут!
В них не тишь,
А немая гроза!..
Ты взглядишь,
Ты не пасынок тут:
Ах, как ждут они,
Эти глаза!

1959

В МИХАЙЛОВСКОМ

Конек семенит неторопоко,
От зноя мигают поля.
Знакомая сызмальства тропка!
Притихшая мать земля!

Сыпучий песок, да ухабы,
Да лес разомлевший, немой.
Навстречу - господские бабы
Да нищий с дырявой сумой.

И родина сердце ласкает
До муки, до боли, до слез!..
Растает и вновь заплескает
Нежнейшая снежность берез.

Юбчонки задрав по колено,
Полощется стайка раки,
Ветряк караулом бессменным
Стоит на юру, у реки.

Безбрежного лета истома
Засыпала сад белизной.
И тянет знакомым-знакомым:
Поземом да гарью лесной.

Въезжают с кряхтеньем колеса
В голодное горло ворот.
Девчонка, боса и льнокоса,
С испугом о счастье поет.

Как спорить с лихою судьбиной
Отправился любый в сыр-бор.
А взгляд у нее голубиный,
Что зеркало псковских озер.

Звонит голосок сиротливый
Про злую недолю-нужду.
А взгляд у нее терпеливый:
Иди, я тебя подожду!

Останусь я верной навеки
Ты только врага победи!..
И Пушкин слезает с телеги,
И лед закипает в груди!

Четыре тесовых ступени,
Обвитое хмелем крыльцо.
И сразу не гнутся колени,
И жар застилает лицо!

У двери - отец благочинный,
Как сдобный пасхальный пирог.
Закваска извечной кручины
В изрубленный въелась порог .

Слежавшейся сажей и луком
Изба прочадилась насквозь.
С иконы с упреком и мукой
Облупленный смотрит Христос.

- Ах, нянюшка!
- Мой голубочек?
Живехонек! Ну, молодец!
А я-то уж пятый денечек...
Глаза проглядела вконец.
Так, значит, вернулся,
Так, значит,
Теперича снова со мной?..

За желтой сплюдою маячит
Июльский полуденный зной.
За темным окошком, вздыхая,
Смеясь, задыхаясь от слез.
Ждет часа лютая, святая
Россия - предвестница гроз!

1946

* * *

Ты мне кажешься полем
На закате под осень.
Молчаливою болью
Несжатых колосьев.

Ветер стебли ломает,
Губит спелые зерна.
Ни души. Налетает
Ночь орлицею черной.

Неуютно и пусто -
Ни тепла, ни участия.
Шорох, тихий и грустный,
Замирает в ненастье,

Тонет, впитанный небом,
Низким, зябким и строгим...
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

1948

* * *

Осень стежки перепутала.
Раскидала жар студеньи,
Даль стеклянную окутала:
Что же будет с молодёной?

В плат узорчатый наряжена,
Ждет невеста-роща
Ветра.
«Где ж ты, суженый мой, ряженный?..»
Ни ответа, ни привета.

И развиднело и смеркнуло -
Не является пригожий.
Облетает в заводь-зеркало
Красно-желтая пороша.

Ничего не надо девице:
Ни сережек, ни запястий.
На одно она надеется -
На ненастье!

1947

БОЛЬ

Алексадре Агафоновой

Светлый ангел - сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги - темнота!

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердя,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель озлобленное сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест одноверца,
О согревшей любви не гореть?

И, добыв-таки рифмы золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные други - заботы
На меня наложили зарок?

Неужели?.. Да выпеснишь разве
Все соблазны житейского дня.
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня!

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумя: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить - ни про что - в никуда!

* * *

Дине Григорьевой

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог.
Месяц, будто чье-то счастье,
Ясен и высок.

Сыплет, щедро и лилово,
В воду пяточки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

От поздна до новой рани
Милосердный час -
Врачевать дневные раны
И не прятать глаз.

Полусонно, перевозданно
Ждать зари земле.
Петь зорянке неустанно
В робкой полумгле.

Не туманясь о разлуке,
Месяцу гореть.
И твои лебяжьи руки
Мне дыханьем греть.

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косою стожок!
Мне жар земли безверье сжег -
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери -
Ежи, сороки и ерши!
Ей-Богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За все, что завтра неминуче.

БЛУДНЫЙ СЫН

Была неприютна погода -
Покров мокроснежил и дрог.
Так сталося уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь,
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался -
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рожден.
И пахнет знакомым-знакомым:
Поземом да вешним дождем.

В колокола

Поэма

*И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.*

Федор Глинка

*... как колокол на баине вечевой
Во дни торжеств и бед
народных.*

Михаил Лермонтов

Первая песня ЗАПЕВА

Длиннее время - память короче,-
Приговор утвержден,
как прах на погосте.

Всесилен закон
И сполна правомочен.
Гражданин сталевар,
апеллировать бросьте:
Не воскресить истлевшие кости.

Не перешибить
плетью обуха,
Как бы железо рука ни разила.
И самая сухоногая сивка-резвуха
Никогда не завьёт
рысистей ЗИЛа, -

Горькоокая
Единёшенькая
лошажья сила.

Нам в жилы вжилаась,
Как в цилиндры вжалаась,
Стремительность :
Нам уже сам Звук -
тихоход.

И даже сверхжалобная жалость
Концы с концами, увы, не сведет:
Память - назад,
Время - вперед.
Но память людская в тираж не вышла,
Не то что плеть - сырмятная кожа:
Она,
Как здоровое сердце, -
неслышна,

А чуть что не так,
На тесак похожа!

Память,
Тяжелорукая правда,
Вчера и Сегодня
Итожит
про Завтра.

И что ей, памяти,
Все паяцы,
Бедолаги и нахалюги,
не помнящие родства, -
И самые забывчивые
Боятся Ее непреложного естества.

Она
Горлохвата и рохлю
сушит.
Палача и кретниа -
о стену лбом,
Слепые глаза
И глухие уши,
Пустые мозги
И темные души
До дна набивает
гульбищем бомб!

И всем,
Кому память -
бремя обузы,
Придется,
Придется,
Придется
признать :
Нетленны ее вековечные узы,
И с нею
чреватаго в прятки играть, -
Она как ядерный гром,
Она как в аорте тромб.

Но память не кара -
Песня закона:
Веселая ль,
горькая -
Жизнь.
Не смерть.
Память
с таким на земле знакома,
Про что позабыть
живым не посметь.
И - время подыять
на обух
Плеть.

И пора,
Ведь пора -
вслух
Запеть.

Если бы вы услышали!

Вторая песня ПРИГРЕВКА

Псковичей
сшибая с печей,
Швыряя с перни,
Стребая с дерюг,
Как с яблонь яблоки - ветер,
Как сиверко - палый лист,
О полночь звон взревел,
Что тьма ноября тягуч,
Что дьякон соборный басист.

Звал :
Воздымался,
Горел,
Вознося свой глас аж до туч
Непреклонен и неминуч,

Орлим клеткотом
дрему - вдрызг!

Клял,
Заклинал,
Зверел, -
Будто вепрь разъяренный могуч,
Точно вспугнутый лось быстр,
Злей цепных кобелей,
Поветрия морового грозней!
Как вздох разверзнутых недр,
Молотил,
Ликовал,

Хлестал :
"Врасплох не застал!
Нет - тебе!
Нет!
Нет!" -
На-ра-ста-ал,
Бахал бронзовый град,
До грозы распалая грудь:
"Люд,
 не будь раб!
Раб не будь.
 брат!
Не будь! Не будь! Не будь!"
Сполох!
Набат!
Робких стыдобой карал,
Шевелил,
За шиворот брал,
Понукал,
Подгонял :
 "Скорей!" -
А потом
 ярый пыл умерял,
Замирал,
Стенал,
Воздыхал, -
Словно кроткий крик матерей
С гордой горестью
 благословлял
Идти во клык мечей
Разъединственных сыновей.
Дрожь ни в грош:
Хошь не хошь -
Пойдешь,
 не свернешь -
Приневолиг.
Колокол,
Вещий колокол,
Вольный колокол -
 колоколит !

Пскове-град,
Детинец,
Посад,
Детина с косой,
Купчина с кисой,
Стар и млад -
Рад не рад -
Все на кон:
Кровь,
Кров,
Жен,
Невест,
Нательный крест,
Живот!..

Целовальник
 стелился ниц,
Вереща
 от глотки до пят:
- Пришел карачун.
Чур меня!
Чур!
Ахти мне, ох, -
Все раз-зорят...
- Чтоб ты засох!
Встань, никудышный,
Цыц,
Вытри возгriвый нос:
У стен супостат -
Лютый ливонский пес...

- О-ох!
Пошто дерешься под вздох?
- Чтоб не глох -
Чуял сполох.
Ну!..

На закате -
 восход,

Дюжина зорь - вразлет:
Двенадцать пожаров
Трясут небеси.
- Мое кружало...
Огради!
Пронеси!..

У стен щербатых
стон,
С четырех сторон
Железа трезвон,
Всхлип,
Скрип,
Кольчуг звяк,
Сорок сороков сермяг,
Холодный жар -
Известковый вар,
В ноздри - чад:
Котлы со смолой кипят -
Кромешный ад.
И над губельной ночью -
Стогорлый набат!

Третья песня ЗАСТОЛЬНАЯ НА СТЕНЕ

- Ле-е-зу-у-ут!..
- Лезешь?
Лезь, лезь:
Тут мед-брага есмь днесь.

- Лезут, лез-зут:
лей, л-лей!..
- На нездравие, пе-ей,
пей!

У тебя
рогастая голова,
У меня гораздая ендова,

Братина хмельна -
полна:
Держи, -
Каменное брашно
по-гло-жжи, -

Круглый колобок
В десять пуд:
Жадная башка с выи -
капут.
Кукиш православный
пососи.

Сами не страшаем -
Сам не проси.

Понапрасну-зряшно
нет, не засвищу:
Свистну -
Шкуру гажью
до пят спущу, -
Стоведерный жбан
шелохну-оберну,
Со стремяночки - и эх! -
кувырну.

Накось выкуси,
Кусни,
Закуси, -
По деяням потчуют
на Руси!

С кем схлестнулся, змей.
Разумей,
Понимай :
Сеять полям
не смей!

Не замай!..
Дым. Оглобельки. Вар. Мечи.
- Мама-мамонька!.. -
кричи не кричи.

Колья.
Смола.
Зола.
Люду вольному -
Хвала! Хвала! Хвала!

Четвертая песня
РЕКВИЕМ

Жальники :

"Мы - жальники, жальники, жальники.
Молчальники.
Боль.
Горюны.
Но разве немые печальники?
Мы судьи,
Мы судьбы войны.
Нас много,
Нас сила несметная, -
В чести
и безвестных сейчас.
Ты слышишь нас, мать пресветлая?
Вы помните, сущие, нас?"

Буйвище Данила:

"Его давным-давно не стало, -
Он так далек...
Он мало жил и сделал мало,
Но - все,
что мог.
Лют бой:
Пир-свадьбу нареченным
Не всем справлять.
Родимого
покровом черным
Закрyla мать...
Другие пары
сладкогласно
Звал в храм

покров...
Где сын стоял - плита доныне красна,
То - кровь,
То - он горит непобедимо,
Пусть без венца.
И время -
мимо, мимо, мимо:
Здесь нет конца".

Камень над Купавой:

"Не храп мечей, -
Веселый кипень весел
Любила нежно дочка рыбаков.
Да привелось...
Ей -
восемнадцать весен,
Все восемнадцать -
Через семь веков!
Веснет Купаве
летом и зимою,
Светить
В грядущий свет,
В минувший дым.
Повенчанная вражьей стрелой,
Отмстившая,
Она - с любимым.
С ним".

Курган матери :

"Когда смежила ясны очи
Купавушка
И сын poleg -
Был сердца крик бездонной ночи
И стены рвались из-под ног.
А мать молчала
прямо в сечу,
Во весь свой гнев,
Во весь свой рост,
И слезы - ворогу навстречу!

И дрогнул,
И отпрянул пес...
Века могильник скособочили,
Тропа к кургану заросла.
А может быть, сыны и дочери,
В тот час
И вас она спасла?!"

Гомола прапращуров:

"Я гомола -
 приют прапращуров,
Зачинавших твои пути.
Сын крылатого настоящего,
Ты иди себе,
Ты лети.
Растуманилось,
Поразъяснило,
Заутрело:
 свежей, желтей.
Ключья ночи жмутся опасно,
Слепнут,
Глохнут
 от гулких вестей.
Слезы нежатся в тихой цветени,
На кукушкины слезы опав.
Хорошея, солнцем забредили
Бубенцы примолкших купав.
И зегзица - сочти! -

 запророчила

Жизни долгие дни,
Сполна.
И протягивает обочина
Мяту,
Мятлик,
Медунку:
 на!
Запытай, -
 раздарит до малости,
До огнишки

Горячий снег.
Не до горести,
Не до старости, -
Ты люби сполна, человек.
Видишь:
Каждая травка рада бы
Все забыть

 с тобой заодно...

Как же много для века надобно!
Как же много ему суждено!.."

Обелиск под звездой:

"О тишь-тишина,
 что ты поешь?
О чем горюешь, звезда?
Быть солнцу,
А ты роняешь дрожь,
Как птица пух из гнезда.
Иль слышишь голос
 тишайших сестер
На немислимой крохе-Земле?
Да сколько же их человек простер
В горячей русской золе?!"
Все суше глаза

 возле братских могил:

Становится старью новь...
И он там был.
И он ее лил -
Свою и чужую кровь,
А крови не мерили
 в ту страду,
Шалело с нее коршунье:
Двадцати
 миллионам
Было на роду
До капли пролить ее.
И все они звали
 сожженную тишь
И на самом последнем краю, -

Вот так же совсем,
как сирый малыш
Кычет маму свою!"

Могилы русских воинов:

"Мы - жальники, жальники,
жальники.

Молчальники.
Боль.
Горюны.
Но разве немые печальники?
Мы судьбы,
Мы судьи
войны.
Нас много.
Мы - сила несметная, -
В почете,
безвестны ль сейчас!
Ты помнишь нас,
Матерь пресветлая?
Вы, сущие,
слышите нас?"

**Пятая песня
ПОХМЕЛЬЕ**

Как прибыл
предобрый князь
Вольный Новоград, -
Жил бескровно,
Не грозясь:
Не тому ль не рад?

Пировалось, -
ну хоть брось, -
Всеволодетлю.
В час урочный
не спалось
Благодетлю.

Не с того ли
в свет-очах
Темень хмарится?
И решил на псковичах
Отбоиться :
- Кривичане исстари
Все - разгульники,
Идолгоги,
Скобари,
Богохульники.

Хватит скопу вахлаков
Лаптем щи хлебать.
Присудили мы:
Плесков
В наши руки взять!..

А пред Псков, -
идя с Москвы, -
Есть гора одна:
Длань Великой и Псковы
С той горы видна.
- Лепота - рукой подать,
Будто новый Рим!
- Уж такая благодать:
Парижу- где за ним!

И соборов,
И церкви,
И хором полно,
И лабазов,
И ларей,
И людишек.
Но
Жив там колокол-смутьян:
Бьет,
сполошный грех,
Распалает псковитян -
Взбаламутит всех.

Кремль заносчивый
 пять стен
 Опоясали.
 Не привычны гнуть колен, -
 Знаем :
 лазали...

Все они -
 одина рать,
 У-у, безбожние!..
 - Их руками -
 их же брать
 Понадежнее.

Хоть грозятся против нас
 Встать не трусячи, -
 Кто ж на распрю не горазд,
 Кто -
 из русичи.

Взять хоша бы
 ту же Тверь, -
 Уж была гордынь.
 А впустила
 распрю в дверь, -
 Тут ей и аминь.

Княже, памятуй о сём:
 Значит,
 Стало быть,
 Надо к ним
 с разрыв-словцом
 Припожаловать.

Ихней сваре порадеть -
 Вставить ключ в замок...
 - Разделить -
 И овладеть.

Побросать у ног!

Жеребец под князем борз,
 Ржет,
 Копытом бьёт.
 Вниз -
 обоз на десять верст,
 Вкруг -
 Стрельцов сто сот.

Извивалась от костров
 Зрякова гора.
 Настилали дым
 на Псков
 Тихие ветра.

А за дымом,
 А в дыму
 Не с мечи -
 с подвохами
 Двадцать два дьяка к нему
 Благолепно пёхали.

Шестая песня ЗАПЛАЧКА

Под Василием на Горке,
 чуть вниз
 Чуни, чеботы, опорки
 сошлись,
 Шалопан во скрипучих "русаках",
 И шалавы на вертлявых каблуках,
 Передегченные крюки до пахов,
 А клешнятой босичины -
 мужиков, -
 Не загадывай, не пыжься,
 не сочтешь!
 Не глазели бы,
 Орал б лучше рожь.

Шапки прочь
стояли псковские концы,
И посадки,
И окрестные гонцы.
Перед звонницей
народу собралось, -
Негде яблоку упасть.
Не веришь, -
брось.

- Чтой-то ноне непогодится.
- Год на год, вишь, не приходится.
- Слышь,

третьеводни в бору
Филин ухал
Поутру!
- Побожись!
- Ей-бо, не вру!
- Днем?
Не слышал отродясь:
Не напрочил бы напасть.

- Чуть чего, втолочут в грязь:
Негде яблоку упасть!
Ну, как все на одного?
- Не боися, ничего:
Тут хоть беглый,
Хоть какой, -
Плачь по горло, -
День такой.

- И пошто ты сплеховал,
Дал согласие,
кум Федот?
Сам язык ему ковал,
Сам его и повезешь?
Это как же?
Эт-то что ж?

- Был Федот,
Да стал не тот.
Повезу.
А ты не трожь...

Псковичи прощались с вольницей,
Земно кланялись, как водится,
Глину взбухшую месили,
Причитали,
Голосили,
Шепотком бояр бранили,
Рокотали,
Гомонили.

Складно пели гусяры
(Знали гусли в те поры).

Песня гусяров

Ты прости, всполошный колокол,
Вольный наш отец.
Сринет вниз,
Потянет волоком
Тебя стрелец.

Лишь разъяснит застень серую,
Снимут буйну с плеч.
Ты служил нам правдой-верою:
Скликал на сечь.

Лиходей едва заявится -
Бил тревожный глас.
Без тебя бы нам не справиться
В смертельный час.

Под твои набаты зычные
Гуливали мы!..
Помнят вдовы горемычные

Плакун-холмы.

Не забудут крохи-сироты
Слезынь-сумы.
Где ступали злыдни-ироды, -
Дымы, дымы...

В души новость громом грянула:
Ясен князь велит,
Как взгорит заря багряная,
Тебя свалить.

Чрез Валдай, дремучим волоком, -
Во Москву везти...
Наш отец, любезный колокол,
Прощай! Прости!

Седьмая песня
КАЗНЬ

Восходило солнце от Зряковой горы,
Напрямик по травищам,
Бережно :
Былки не пригнув,
Клубило пары,
Роски не спугнув,
Через боры, -
Дотянулось до бережка -
За тридцать три версты.
Окунуло в дремучие виры,
Омыло в Великой могучие персты.

И заневестились чисты кусты,
И заярились радостью яры.

А разговор у солнышка
Скор :
Растолкало на куполах галочий хор;
А нрав у светлого -
кому не знать:

Не побрезгало,
Не отвратило уст -
Обмакнуло в Зрячку-реку

И давай студёнышку миловать. красный ус
А потом

настроило злат-струну,
Накидало мошкеры в быструну
Покликало

семифунтовых голавлей:
"Гуляй -
не жалеи!"

И заплясал на плесе пир-жор.

И взвил
у Василия на Горке

Костер!
В одночасье

жахнуло -

Во дворах,
В курных конурах,
В теремах,
В церквах;
Полыхнуло -
В очах,
В ушах,
В грудях,
В сердцах, -
Будто утро с неба -

в тартарары:
Зарубили остры топоры,
Заходили

и вкривь и вкось,
Кромсая мореный дубовый брус, -
Крепкой,

что слоновая кость,
Искристый,
как русский булат,
Когда его взвихрит набат, -

Сухой деревянный брус, -
Неподатливый
 дюжим секирам,
Как железным вражеским силам
Неподатлива
 нежная Русь!

Постанывал брус:
"Держу-усь.
Не сойду,
Не свалюсь:
Не по зубам кус".
А каленые лезвия,
 возгораясь :
"Будя, слазь!"
А клыки точеные,
 осердясь :
"Хрясь, хрясь, хрясь!.."

С вышки сыпалось эхо,
Рыдало вдовой;
Прошибал рубак великий пот...
- Раз-здайся, нар-род!..
- Заплечный мастер подъехал.
- Ишь, мор чумовой:
Подрубят -
 казнить почнет.
- Как же - без волюшки дорогой?
А, Федот?
- А-а, мужику - нечет, чет -
Один почет.

А солнце печет.
А река течет.
А железные дятлищи - тюк-потюк!
А с губ раскоряченных: не молитва -

 матюг!

А руки сдубели,
Отблизь от рук.

- Да, крепок звонила,
Лешак возьми,
Эка сила!
Не оберешься с таким возни.
Уф, уф, уморился:
Поддай-ка ведро! -
Рубили,
 кваском остужая нутро.

Остолбенела внизу толпа,
Так лес - после огнепала :
С плечей непокорных,
С открытого лба,
С груди его
 кожа сползала.

Но вовсе не веря
В бескрылый удел,
Нависший
 неотвратимо,
Он вздрагивал тяжело,
Он в небо глядел,
Он звал звонаря-побратима!

И, скрученный рясой,
Иссохший язык,
Как витязь
 перед страшным распятым,

Рванулся,
К желанному сердцу приник,
Раздался
Громовым заклатьем!..

И глухо улегся,
 с землей обнявшись,

Уснул
Неусыпный базила.
И кланялась воину блеклая высь.
И туча кому-то грозила!..

- Эй, виночерпий!

Не мори!

Живей!

Черед за тобой:

чарку налей!

Стрельцы-молодцы сделали дело -

Смутьяна синули.

Крамола слетела.

Лей

полней!

- Приступай, Уфалей! -

Дьяк-палачник взмахнул платком.

И в красном волосатик

Злым молотком

Ахнул в чуткое тело.

Тяжко загудело:

"Ужо! Ожи-ву!.."

Искры, искры, искры -

в мураву.

Тяпал молот борзо:

"Дык, дык, дык!.."

А у палачины

булькал кадык:

- Бесплотная бронза,-

Не к тому привык.

Что мне уши!

Что мне - язык!

Упокою тело,

Вышибу дух!..

Ваша честь,

готово:

Ни языка, ни ух!

- Знатна работа:

и нем, и глух! -

Стряпчий глянул сбоку,

Раззявил рот:

- Собирайсь в дорогу,

Кузнец Федот! -

Покрестился,

Сплюнул,

Пнул врага ногой:

- Теперь он

кутёнок,

Не зверь гулевой:

Пасти не оскалит,

Не взревет.

Но

до соболиных потемок

За плескуньей-Псковой

Не расходился посадский народ.

Восьмая песня

КОНЧИНА

Когда на небе зари огонь,

Затопленный ночью,

угас,

Повезли его о двенадцать конь

Стольной Москве напоказ.

Лежал он,

поставленный на попа.

Двустапудовый,

В цепях.

И хмурая ночь,

на добро скупа,

Всхлипывала второпях...

"Темно да сизо.

Полным-полно

Лишь верст да туманов, - ох! -

Туманам в русской низи вольно.

Они тут и князь, и бог:

Зыбки,

Непрозрачны,
Густы,
Жидки,
Сулящие ведро дню,
Ледяны,
Кипучи, что кипятки, -
Затуманили жисть на корню”.

Полосуя колеса
валдайский тракт,
И небу - срок ядренеть.
“Издревле так.
И доньне мрак.
И так - непроглядно - впредь?..”

Ты в думах не майся,
Русый смерд, -
Станет тишей в груди:
Все за тебя загадала
смерть.

Ходи,
Гляди
Да годи!

А думы,
грузные, как жернова,
Ворочаются -
Не убечь.
От них бездольная голова
Ничуть не чувствует плеч.

“От Белых Струг
До Великих Лук,
Не вкруг -
Напрямик :
Сто непролазных яруг,
И в каждой -
по сто ярыг.
Бортничай сколько хошь -

Хрен соберешь.

И Гдов от Опочки -
Не три версточки, -
Трижды полста
Да с гаком;
И любая верста -
С плаком:
В Сороковом Бору - зверь:
лети!

В Середке - стрелец:
плати!
На Крестах - монах
Обирает в прах.
В Острове - воевода:
мыт гони!

А нет - в реке тони.
А шкура всего одна,
А киса прохудилась со дна.
Вот и извозь,
Вот и не брось.

От Печор до Порхова -
голь,

Не деревни,
А глазу боль;
Нивы -
колос от колоса,
Не слышать и голоса.
Вот и паши,
Пожиная шиши.

Во Пскове что ни купец -
жук:

Обведет,
Зажабрит.
Каюк.
Вот и торгуй, Федот,
Вот и имей доход.

А дома?..
Хоть бы не поминать:
Десять девок,
Баба
Да мать,
Комола корова,
Конь без подков.
Чем их накормишь -
Четырнадцать ртов?..

А жизнь - вперекос,
А жизнь - невпопад:
И добро,
И зло
как беда, -
В болотине мертвые ольхи торчат:
Их высушила... вода.
А рядом, на взлобке,

поник березняк:

Без влаги, бедняга, зачах.
В высоком лесу пожух молодняк:
Старики отказали в лучах.
В тесноте не в обиде, -

глаголят нам

Велеречиво хлюсты.
А эвон - гуща,
Не зелено там:
Не живые кусты -
Кресты..."

Зряшные думы
много ден

Обжигают,
Да где с них спрос?
Вези,
Не зная, зачем рожден,
Слушай кряхтенье колес...
Проезжали села и города,
Старорусскую непролазь.

Донимала пыль,
Допекали овода,
Чавкала извечная грязь.

Палило солнце,
Хрустели пески,
Поливали дожди ездоков.
И лежали,
Полные теплой тоски,
Дрожали
чащобы с боков

Под Валдаем
стали распрягать:
Животина умаялась вконец.
- Кто там - навстречу? -
Глядь-поглядь :
Скачет московский гонец.

Подъехал.
На поклажу глаза скосил:
- Грамота людям псковским:
"Повелел
Великий князь Руси
Колокол опальный
Сломать!
На куски!
Сломать!
Сокрушить!
И разветь в прах -
Раскидать,
Схоронить на Валдайских горах!"
Федот - за кувалду:
- Сломать так сломать,
Благо силы не занимать.

Девятая песня
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ваяться бы лому в пыли,

Танть бы осколкам
 песни,
Когда бы не ковали, -
Поймите :
Они б не воскресли!
Гинуть бы
 в стыни и в зной,
Зазеленым и сырим,
Когда бы их люд честной
Не уберег всем миром.
Ну, как в дармовой кабак,
Шли к лобному перелеску;
Осоку сгинали так,
Как свекр и свекровь -
 невестку.
В дубняк,
 будто в вещей храм,
Втекали с кроткой сноровкой;
Глядели по сторонам,
Как младушка
Перед свекровкой.
Бродили
 со склона на склон
Буераками и лесками, -
В наклон, в наклон,
 в наклон:
Искали,
Искали,
Искали.
Обшарили сыпень-пески
И дрягвы чернющее тесто...
Собрали, до фунта, куски,
Прьорали
В надежное место.
А в воскресенье -
 рядком-ладком -
Принялись кузнцы за дело:
И бронза под звель-молотком
Оживала,

Вздыхала,
Теплела.
И мастер заглавный -
 Федот...
- Тот самый?!
- А кто же:
 тот самый! -
Над горном, как бог, восстает,
Фартовый,
Тревожный,
Упрямый.
- Ворон не лови,
Ты - бей,
Стучи,
Чтоб наружу - середка!
Не мешкай, соколики,
 грей :
Не выгоды ради работка!
Радеем за-ради Руси -
Не ради полушек да гривен...
- Простынет!
Живей подноси!
- А звон-то и вправду дивен!
- Уж ладен, честная мать:
И ласков,
И грустен,
И грозен!
- Куда там,
 не тот опять! -
И хватъ колокольчик оземь.
- Да что ты, чудак-человек?
Чего еще?
- Голоса мало.
Неровен час, ладим навек:
Давай
Нагревай
 сначала!
То ли воля поет,
То ли сердце - врзлет :

Руки, руки,
 будто крылья.

- Ну и хват!
Ну Федот!
Как прицелится глазами,
Бровь изломит,
Как даст:
Над горами,
 над лесами -
Буйный бас,
Знойный пляс,
Горький смех,
Долгий бег!..

Десятая песня
ПРИПЕВ

Российскую сонь
 беспокоя,
С тех пор колоколец гудит, -
Само торжество вековое,
Вздых молнии
В гордой груди.
И ты замолчишь,
 обновленный.
На целую жизнь
Удивленный.

Увидь! -
Разъяренная грива
И "диль-диль" -
 несут скакуна
И в миг этот
Сбудутся дива,
И высь распахнется
 до дна.
И мерин ли, ворон -
 над полем,
Ты сможешь:

Ты - Воин!
Ты - Волен!

Припомнятся были и сказки,
Припевки певуны-Псковы,
Мечей забубенные ласки,
И плач безутешной вдовы,
Тягучие вопли набата -
Далекого
Вольного брата.
Зальется,
По-русски бескраен,
Душа переполнена вся;
Заходит,
 как в хату хозяин,
И кровь горячит, не спрося.
В нем - ласка,
Укор
И тревога,
Дорога, дорога, дорога.

Завьет,
Заколдует с размаху
Нехитрый валдайский звонец.
- Ах, вещая гулкая птаха,
Да будет ли мчанью конец? -
А вихрь:
"Это -
 только начало:
В сторонку -
Кого укачало!"
1950-1971

Когда мы жизнью
наиграемся -
Читешимся,
Читаемся до дна,
Тогда мы жить
засобираемся.
Как будто нам вторая
жизнь дана.

1966-1967

Содержание

«Покойны желтые озера...».....	6
Листобой	7
Великая	8
Признание	10
Я иду	12
День	13
Горькие яблоки	15
Березовый сок	17
Набат	19
«В который раз одно и то ж ...»	21
Мать	22
Распахнутость	24
Первая любовь	25
Песня	26
«Соловей колотит...»	28
Перед дорогой	29
Письмо любимой	31
«Окровавлена моею кровью...»	33
В снегопад	34
Веретенька	36
«Приходи с любым сомнением...»	38
По росе	40
Страда	42
В давнем	44
«Не прибыльна песня об этом...»	45
«Да неужель мы хуже лебедей...»	46
Ситовичи	47
Зима 1993	49
Россия	50
«Горемаятная родина...»	51
«В селе петушья куролесица...»	52
Внуку	53
Сыну	54

«От деревенщины моей...»	55
Перед Россией	57
«Дорогие лесные пустыни...»	58
Вишенка	60
Под звездами	61
Светлане	62
Непогода	63
«Настороженный покой. Замирание...»	64
Красуха	65
Глушь	70
В Михайловском	72
«Ты мне кажешься полем...»	75
«Осень стежки перепутала...»	76
Боль	77
«Улеглись дневные страсти...»	79
«Поклон, поклон, ржаное поле...»	80
Блудный сын	81
«В колокола» (Поэма)	82
«Когда мы жизнью наиграемся...»	116

Григорьев
Игорь Николаевич

*Любимая -
любимой остается*

Избранные стихи

Редактор В.В. Васильев
Составители В.М. Мухин, В.А. Шульц
Корректоры С.В. Иванова, Т.П. Шляхтова
Тираж 300 экз.
Заказ № 827
Издательство «Курсив», Псков, Коммунальная, 19.
Тел./факс 44-67-39